

Субботина Елена

**С 60-х годов в
недрах Москвы
хранятся отходы**

боевых

отравляющих

веществ

ЕЛЕНА СУББОТИНА

С 60-х годов в недрах Москвы хранятся отходы боевых отравляющих веществ

15 декабря в заметке "Малина со стронцием" мы рассказали об экологических последствиях деятельности на территории Москвы советского ядерного комплекса.

Сегодня речь о том, что оставил нам в наследство комплекс военно-химический. Наш интерес к теме не случаен: именно Москва с начала XX века стала центром разработки, производства и испытания боевых отравляющих веществ. Очаково, Сокольники, Богородское, шоссе Энтузиастов это не полный список адресов, самым впечатляющим из которых является, бесспорно, площадь, на которой возвышается бронзовый Маяковский. Примерно там, где стоит ресторан "Пекин", помещался в первую мировую войну завод "Фосген". Красные командиры инициативу царских генералов углубили, открыв в ближнем юго-восточном пригороде Москвы военно-химический полигон. О нем и пойдет речь.

Место это площадью 9 кв. км хотя и называется в обиходе Кузьминками, к одноименному парку отношения не имеет. Этот квадрат на задворках столицы с севера ограничен улицей Головачева, с юга - Верхними полями, с запада и востока - соответственно Чагинской улицей и кольцевой автодорогой.

В начале 20-х годов здесь разместили объект, который в официальных бумагах именовался как Научно-испытательный химический полигон РККА. Тут испытывали химическое оружие, военную технику, а

также уничтожали отравляющие вещества и опасные химические отходы.

Полигон действовал около 40 лет, до начала 60-х, когда город опоясала кольцевая автодорога. Держать в черте столицы столь опасный объект далее стало невозможно, и он перебазировался на Волгу, в Шиханы. Имущество, конечно, было вывезено, но далеко не все...

Из донесений, направленных руководителями Главхимупра наркомун обороны Климу Ворошилову в 1937 и 1940 гг.:

"На опытном поле в Кузьминках промышленность Москвы уничтожает ненужные отравляющие вещества, которые нельзя транспортировать на дальние расстояния..."

"Извлечено из ям, зараженных стойкими отравляющими веществами, лабораторных отходов 20 тонн, мышьяковистых отравляющих веществ - 3 тонны, зараженного химвосприимчивителя - 4,5 тонны. Все это перевезено в полевой отдел на полигон в Кузьминки и уничтожено".

А так как делали это в лучших отечественных традициях, нисколько не печалась о последствиях, то за долгие годы тут образовался некий "культурный слой" - почва, сквозь которую фильтровалась вся отравляющая, и кучи металла, временем проеденного до дыр - цистерны, баллоны, насосы, распылители, а в основном - бочки с двойными заглушками, в которых хранился так называемый "компот" - смесь боевых отравляющих веществ.

"Вылезает - и как будто в мыле"

За 40 лет выжженное поле стало лесом, в который не зарастает народная тропа.

Молодой березняк давно облюбован грибниками и любителями земляники, которым не так уж редко приходится перешагивать через поваленные столбы с "колючкой".

Местами столбам удалось сохранить строй. Грунтовая дорога выводит к небольшому пруду, в котором, как говорят участники событий, топили химические боеприпасы и отходы военно-химического производства.

Впервые я попала сюда июньским днем. По случаю испепеляющей жары пруд был облеплен страждущими. Дохлые березы, вязкий берег, темная вода, горб ила, вспухающий посередине, - ничто не могло отвести граждан от этой сомнительной лужи. Даже ужасная вонь, то и дело наплывавшая неизвестно откуда, не производила на отдыхающих никакого впечатления. Кто плавал, кто загорал, кто закусывал, кто почитывал, кто рыбку удил.

Дядю лет 60 я оторвала от газеты: "Вам известно, что здесь был химический полигон и в этом пруду топили всякую химическую гадость?". "Что-то я об этом слышал, - улыбнулся дядя. - Но знаете, вода здесь очень хорошая, мягкая.

Вылезешь - и как будто в мыле".

Стойкие у нас граждане. Их не то что дустом - ипритом не проймешь! Про иприт - это я не для красного словца. Зная, что именно делали на полигоне, копнула землицы там, где воняло совсем уж нестерпимо - из пролысины под засушенными на корню березами, возле

столь любимого гражданами пруда. И что же? Лаборатория аналитической экотоксикологии Института проблем экологии и эволюции имени А.Н.Северцова РАН обнаружила боевой сернистый иприт.

Вывод аналитиков был столь ошеломляющим, что с трудом верилось: неужели и вправду иприт? Ведь столько лет прошло! "Ни за что не нашли бы, если бы отраву просто вылили на землю, а так ясно, что откуда-то поступает. Наверняка в этом месте зарыта емкость, да не одна, а металл проржавел", прокомментировали результат сотрудники лаборатории.

В то, что ошибки нет, не верилось не только корреспонденту - военные химики, прослышав о протоколе испытаний, проведенных учеными Академии наук, тонко улыбались. Серьезность на их лицах появилась, когда сотрудники Военного университета радиационной, химической и биологической безопасности (бывшая Академия химзащиты) сами нарыли земли и изучили в своей лаборатории. Выводы совпали. Кроме того, список дополнился мышьяком. "Мышьяка много", - не желая называть точную цифру, заметили люди в погонах. Следовательно, мы имеем все основания полагать, что с ипритом мирно соседствуют не менее опасные отравляющие вещества - люизит, адамсит и дифенилхлорарсин.

Более того, на графиках громоздятся острые пики - это концентрации железа и свинца. Стало быть, емкости, в которые заточили яд, тоже весьма активно ведут себя на бывшем полигоне. Что будет, когда железо проржавеет окончательно? И что там уже сейчас с грунтовыми водами, а значит, и водоносным горизонтом?

Важно добавить, что это уже третье пятно мышьяка, обнаруженное на бывшем полигоне: два других в концентрации выше фона до 200 раз (!) найдены в 1994 году Институтом минералогии, геохимии и кристаллохимии редкоземельных элементов (ИМГРЗ) РАН при исследовании почв Юго-Восточного округа. Оба прячутся в лесу по соседству с жилым кварталом на улице Головачева.

Кстати, нагнавшие столько страха диоксины (помните недавний куриный скандал?) в означенном месте обнаружены в великом множестве, так как массовое сожжение иприта не обходится без заражения местности диоксинами.

Был приказ - уничтожить

Результаты экспертиз, проведенных специалистами из разных ведомств, лишней раз подтверждают то, что говорят люди.

Болеслав Иосифович Грохольский: В 1944 - 1945 гг. я работал в пожарной команде полигона. Занимались в основном тем, что возле пруда копали траншеи метра полтора глубиной. На машинах подвозили тяжелые ящики, укладывали в траншеи и засыпали землей. Везли также спецовки, гимнастерки, химическую посуду всякую.

Это тоже зарывали. Воняло это ужасно, все говорили - иприт, остатки иприта после испытаний, но работали без всяких средств защиты.

Кто со мной был, сгинул давно, кто в 40, кто в 50 лет. Я один до старости дотянул.

Воспоминаний Эдуарда Ефимовича Вилятицкого, также пережившего всех своих сослуживцев,

потерявшего в Кузьминках здоровье, хватило бы на целую книгу.

Ограничимся отдельными эпизодами:

- Я служил здесь командиром роты с 1947-го по 1956-й и прекрасно помню, чем приходилось заниматься: все это время жгли, зарывали, топили и, само собой, испытывали. Со всей Москвы свозили все химически опасное. Сам черт не знает, что там было, в этих бочках. Что закапывали, что в воду кидали. Однажды привезли много ящиков с металлическим калием. Был приказ: уничтожить, так как емкости начали ржаветь. Банку кидаешь в пруд, так как емкости начали ржаветь. Банку кидаешь в пруд, она от контакта с водой тут же взрывается. Майор так погиб:

размахнулся с банкой в руке, а с деревьев, видно, вода капнула. Ну ему полголовы и снесло. Двое детей у него осталось, хорошенькие такие девочки... А иприт испытывали так: капали на себя, затем одежду кипятили называлось дегазацией, а обувь, понятно, не проваришь. Это обмундирование потом надевали, носили десять дней, после чего врач осматривал, нет ли на теле пятен... В кирпичной хибарке, которая и сейчас стоит, испытывали зарин. В камеру, где был распылен этот нервно-паралитический газ, помещали несколько человек при полной амуниции и в противогазах. Двадцать минут посидели и с полной выкладкой прошли триста метров по свежему воздуху. Смысл был в том, чтобы замерить, сколько отравы сначала впитает, а затем испустит солдатское обмундирование... Полигон был большой, я только в одном углу его работал, что делалось в других, не знаю.

Говорили, если землю чуть оросить ипритом, а потом посадить картошку, здорово растет, потому что все вредителидохнут.

Наталья Михайловна Годжелло рассказала о случае с ее отцом, который с 1922 по 1927 год заведовал лабораторией на полигоне: "В Кузьминках он получил ипритное поражение! Вскрывал снаряд и не заметил, как капнул на сапог. Все лето просидел на веранде с вытянутой ногой, на подъеме которой была страшная язва".

Сама Наталья Михайловна, специалист в области химического оружия, заведовала лабораторией в суперсекретном НИИ-42. Все, что использовалось в работе, сдавали на склад. Куда это девалось дальше, Годжелло не знает и потому проявляет естественное беспокойство - Кузьминки под боком.

Эта война еще не закончена

Район - белое пятно для санитарной службы города. Никаких предупреждающих об опасности указателей здесь нет, и отдыхающие пребывают в счастливом неведении.

Не тревожатся и в другом ведомстве, чья специализация - гражданская оборона и чрезвычайные ситуации.

Правда, был человек, который последствия собственных деяний представлял довольно четко: Клим Ворошилов. "Эта территория должна быть взята под особое наблюдение, и пользование ею людьми (заселение, устройство общественных гуляний, постройки и пр.) необходимо категорически запретить", - доложил нарком обороны второму человеку в

государстве Вячеславу Молотову в 1937 году. Этот примечательный документ удалось совсем недавно отыскать в военных архивах президенту союза "За химическую безопасность" профессору

Льву Федорову - человеку, чье имя вызывает раздражение у генералов.

Неизвестно, расслышал ли предостережение Ворошилова Молотов, но только многоэтажные дома улицы Головачева стоят вблизи территории бывшего полигона.

Кстати, на риэлтерских картах этот район обозначен как самый дешевый в городе.

Чтобы обнаружить все "захоронки" (по косвенным данным их 9), нужна карта. Но пока найти ее не удалось. Не исключено, что такого документа и вовсе не существует - маленькая химическая война в Кузьминках велась так варварски, что вообще вряд ли составляли какие-либо карты.

Вывод на поверхности, как иприт из худой бочки: пока не найдем, где зарыта отравы, этот клочок земли на краю Москвы так и останется опасным военно-химическим полигоном.

P.S. Мы обратились в департамент природопользования и защиты окружающей среды правительства Москвы с просьбой дать оценку ситуации с полигоном в Кузьминках. В пресс-службе ответили, что эта территория находится в ведении министерства обороны, поэтому экологам туда дорога закрыта. Единственное, что им остается, - поднимать этот вопрос в обращениях к военному ведомству. Не удалось получить комментарий и у госсанэпидслужбы Москвы - в

духе новых традиций от нас потребовали изложить просьбу в письменном виде.

Поскольку точка зрения официальных лиц крайне важна, мы направим запросы в министерство обороны, правительство Москвы и городскую санэпидслужбу. Полученные ответы будут опубликованы на страницах газеты.